

Андрей ШАЦКОВ

Родился в 1952 году в Москве. Окончил Московский инженерно-строительный институт. Работал по специальности, занимался журналистикой, служил в Министерстве культуры РФ. Сотрудничал в газете «Слово», журнале «Второй Петербург» (СПб). Главный редактор альманаха «День поэзии – XXI век».

Автор шестнадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена преподобного Сергия Радонежского. Лауреат множества литературных премий и премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры.

Живет в Москве и в Рязе.

Я ЖДАЛ ТВОЁ МЕРЦАНИЕ ЗАРНИЦ...

Август

Здравствуй, август... За синюю гранью стекла
Притаившись, предтечей дождей – горемыка
Ты глядишь на меня, и рассветная мгла
По пустынным углам расточается тихо.

Снова смутное время по душу мою...
Снова падает долу грозы огневица.
Здравствуй, август. Сокрыто печатью семью,
Что там будет – журавль иль в ладони синица?!

Скоро праздник, и верю, своих не предаст,
Не отдаст их дела на разор и поруху
Спас Медовый, Нагорный, Ореховый Спас.
Триединый, славянский, по плоти и духу.

Месяц серпень... Тревожного лета закат.
Ожиданье зимы мировой катастрофы.
И за братией птичьей, глядишь, отлетят
Прямо в небо последние горькие строфы.

И покуда такие творятся дела,
Что нельзя разрешить без крутого запоя,
Буду свечи у красного ставить угла
И просить для души на минуту покоя!

И приснится под утро: гремят поезда,
Ворошиловской конницы катит лавина...
И горит на погоне у деда – звезда
Генеральская,
памятью краха Берлина!

День марта

Весь день расписан. Март в календаре.
Всё как всегда: вчера, сегодня, завтра...
Но что-то изменилось на дворе,
И стынет на плите ненужный завтрак.

Забор. А за оградой тёмный лес.
Снега искрятся отраженьем сини.
И, кажется, откуда ждать чудес
Здесь – в сонном царстве, посреди России?

Отброшу с плеч накиннутый тулуп.
Спущу с цепи лохматого собрата.
И вздохом – пар поднимется из губ,
Тобой согретых в юности когда-то.

И вновь потянет в горницу – к листу,
Оставить строк не зажившие шрамы.
И приложить горячий лоб к кресту,
Глядящей в окоём оконной рамы.

А там – смотри, пошёл не снег, а дождь.
Исчезнет в небыль зимняя простуда.
И может быть, что ты ко мне придёшь
Негаданно, нечаянно, как чудо.

А вот и солнце. Брызнули лучи
На пажити, дороги и корчевья.
И к нам летят усталые грачи,
Вернувшись из далёкого кочевья.

Пасхальное

Непроглядны сумерки под елками
В день субботний, праздника ночи,
Мороки сквозят меж рамы щелками,
Улетают искрами в печи.

Вся Россия ждет, на небо глядячи,
Полуночи драгоценный дар:
Кривичи, радимичи и вятичи,
По деревням, селам, городам.

На земле, где мною столько хожено,
Где делил с друзьями черный хлеб.
Мною бездорожье заворожено.
Долог путь в отеческий вертеп.

От острога и горючей паперти
На Руси не зарекаться стать.
В женщине с глазами Богоматери
Узнаю свою родную мать.

Над землей, которой Богом дадено
Мужества на долгие века.
Проплывают óблаки из ладана,
Мчатся грозные облака.

На погосты страхи и сомнения
Опадут, как прошлого листва.
В светлый день Святого Воскресения –
День извечной жизни торжества

Апрельское

Это свежее небо, глядящее в бездну воды.
Свет Фавора, струящийся ниц из созвездий бутона...
Где-то там, за рокадой, пропали былого следы,
И Кощеево царство асфальта, стекла и бетона.

Прорастёт тишина в палисаднике купой берёз,
Меж рябин и сиреней и криво прибитых штакетов.
Я впервые уснул без дурмана, проснулся без слёз,
Отрешась от обид, недомолвок, смятенья и сплетен.

И почти что воскрес в этот светлый пасхальный канун.
И до первой звезды дотянулся, ожёгшись, рукою.
Мне «зелёные святки» подарит, наверно, июнь,
Если в землю, зегзицей, до Троицы дня не заруют.

Пусть наносное ныне уйдёт, как уходит зима.
Как понуро уходят незвано пришедшие гости.
Здесь с уставом чужим на порог не пускают в дома,
Где герани в сенях, и вязанками – луковиц гроздь.

Звон сочится, капелью срываясь с вершин церковей.
И сочатся берёзы прозрачной весеннею кровью...
И глядит, удивлённо застрешины вскинув бровей, –
Та, которая стала последней, нежданной любовью.

И озёрные ветры, на солнце блестя чешуёй
Рыбьих стай, что стремятся на нерест в протоки,
Хороводом кружатся над юной апрельской землёй...
И цветёт краснотал, и рождаются светлые строки!

Лития о собаке

Памяти Алисы

Что же ты наделала – рыжуха,
Папина любовь и егоза?..

После смерти – не опало ухо.
Не закрылись синие глаза.

Рано утром в поле выбегала.
Слушала осенних листьев песнь.
По всему, выходит, что не знала,
Что не пощадит тебя болезнь.

Впрочем – нет. Своё «собачье дело»
Знала ты, приход почуяв зла,
На меня глядела и глядела,
Будто наглядеться не могла.

Не услышав хрипы или стоны,
На колени пав перед тобой,
Я забыл про литии каноны.
И завыл над нашею бедой.

Папа, мама, сын ушедший – Дима –
Вы не зря в помѳнник собрались.
Жаль, что поп пройдѳт сторонкой – мимо
Имени любившей вас «Алис».

Только всё равно в церковном мире,
Где воспрещена трава-плакун,
Будут свечки плавиться – четыре
Встав в порядке строгом на канун.

Ваши души не уходят в небо.
С нами остаются до конца.
Я ношу с собой краюху хлеба.
В ожиданье звѳздного венца.

Может быть, в дожде и полумраке,
На исходе пасмурного дня,
Я поймаю взгляд другой собаки,
Взгляд, не отпускающий меня.

Судьба

Задумчиво листаю свод страниц
Своей судьбы
и, несомненно, вправе
Воскликнуть – заповедный август – AVE!
Я ждал твоѳ мерцание зарниц
Из чѳрных туч, парящих так весомо
Над линией лесного окоѳма.
В молчании к земле припавших птиц.

Пусть голос грома – накалѳн и груб –
Рой ласточек спугнѳт, чтоб те – над нами
Поднялись в небо, в суете и гаме.
Им вслед шепну, не разжимая губ –

Родства не обрывая пуповину,
Мою молитву донесите сыну
И горький запах георгинов с клумб...

Осенним одиночеством звенит
Хрустальный воздух,
и не может Руза
Стать Летой для вины отцовской груза,
С которым мне не улететь в зенит
К тебе, мой мальчик – журавлёнок в стае,
Которая крылами, как крестами,
Нас грешных, напоследок, осенит.

Гармония души – навек, прости,
Заложница судьбы поэта в споре,
Где на кону стоят печаль и горе
И радость слов, которых донести
Не доведётся – людям, в книг конверте,
Скрывающем забвенье и бессмертье.
Как персть земли, зажатую в горсти.

В предчувствии Покрова

А с неба падают снега,
Плакун-трава покрылась белым.
Пороша первая – легка,
Опять Покров над миром целым

Простёрла нежная рука
Той, что дарует всепрощенье.
Издалека-издалека
Сияет дивное свеченье

Минувшей осени зари,
Нырнувшей в тёмные трясины.
От Белозерья до Твери
Погасли Третьи осенины.

Предзимье, зазимок, зима –
Слова, как кашель, режут уши.
Попробуй не сойти с ума,
Когда метель над полем кружит.

Когда семь месяцев в году
Природа хмурится сурово.
И кони валяются на льду,
Везя спасительные дрова...

А мне, забившись вглубь стрехи,
Остаться в тёплом летнем крае,
Где с неба падают стихи,
Как звёзды, в ковылях сгорая.

Прощание с октябрём

День нежностью осеннею объят.
Михайло вскоре, а печёт, как в мае.
И я душой, замёрзшей принимаю,
Не завершённый в пору листопад.

И яблоки на ветках – на потом
Оставленные, средь хозяйских буден,
Чей строй досужим толкам не подсуден,
Как этот стих, над письменным листом

Парящий зимней чайкой над рекой,
Неразличимой – белою на белом.
Так благовест несётся по уделам,
Когда в церквях звонят за упокой...

Над Нижним – тучи, а в Москве теплынь.
Лишь вспомнилось, как хмурился сурово,
Небесный свод в преддверии Покрова.
Но снова пахнет свежестью полынь!

Ты в этот день припомнишь без труда
Любовь, что ярым воском отгорела,
Напоминая болью то и дело
В унынии прошедшие года.

Да будет светозарен этот мир.
Хотя зима уже не за горами,
Но бабочка стучит в оконной раме,
И солнце вновь сияет, как потир!

О, этот день, пришедший невпопад,
Прощально освещённый горним светом,
Вернувшийся не в пору бабьим летом,
Которому дороги нет назад.